

Виниченко Ирина Владимировна, Лашина Ирина Валентиновна

АДАПТАЦИЯ МОДНЫХ ОБРАЗЦОВ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

В статье рассматриваются приёмы адаптации модных образов и культурно-эстетических образцов в повседневной жизни жителей крупного регионального центра. Внимание сосредоточено на трансформации декларируемых модных тенденций в реально бытовавший костюм. Авторы приходят к выводу о том, что в условиях невозможности полного удовлетворения своих потребностей в модной одежде граждане вырабатывали собственные стратегии для реализации эстетических требований в бытовой практике.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/12-1/10.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 12 (26): в 3-х ч. Ч. I. С. 48-56. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

E. LEVINAS AND H. BERGSON IN THE CONTEXT OF LANGUAGE PROBLEM**Ivan Dmitrievich Verikhov***Department of Philosophy History
St. Petersburg State University
alostor@list.ru*

The author compares the philosophical conceptions of Emmanuel Levinas and Henri Bergson in the context of language problem, basing on the analysis of linguistic criticism in late Bergson's works as well as involving the material of modern foreign researches on the subject determines a number of problematic aspects of correlation between the philosophical approaches of these two thinkers, and comes to the conclusion about the fundamental difference between these two positions under consideration.

Key words and phrases: H. Bergson; dialogue; intellect; intuition; E. Levinas; philosophy of language; ethics; language.

УДК 94(47).084.9:687.016

Исторические науки и археология

В статье рассматриваются приёмы адаптации модных образов и культурно-эстетических образцов в повседневной жизни жителей крупного регионального центра. Внимание сосредоточено на трансформации декларировавшихся модных тенденций в реально бытовавший костюм. Авторы приходят к выводу о том, что в условиях невозможности полного удовлетворения своих потребностей в модной одежде граждане вырабатывали собственные стратегии для реализации эстетических требований в бытовой практике.

Ключевые слова и фразы: повседневность; советская мода; модные образы; культурно-эстетические образцы одежды; вкусы и модные предпочтения советских граждан.

Ирина Владимировна Виниченко, к.и.н.**Ирина Валентиновна Лашина, к.т.н., профессор***Кафедра «Конструирование швейных изделий»**Омский государственный институт сервиса**irvinb1@mail.ru; ogiskshi@mail.ru***АДАПТАЦИЯ МОДНЫХ ОБРАЗЦОВ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ
СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА©**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Повседневная жизнь в эпоху дефицита: костюм и образы советской женщины» № 11-11-55003/12 а(р).

В последнее время отечественная наука изменила свои ориентиры – человек становится главным объектом исследований. Большое внимание уделяется вопросам бытовой истории. Недавнее прошлое нашей страны, повседневная жизнь советского человека в центре внимания современных учёных. Детальное рассмотрение приватного пространства и его составляющих, изучение практик обращения с одеждой являются одними из рельефных примеров, позволяющих сделать заметными многие невидимые особенности повседневной жизни советского человека. С одной стороны, костюм и мода отвечают идеологическим предписаниям о том, какими должны быть вещи массового производства и каким требованиям в целом должен отвечать внешний облик советского человека. С другой стороны, одежда как вещь наиболее близкая к человеку, обладает наилучшим потенциалом для иллюстрации того, как происходит приспособление идеологических догм в повседневности. Костюм, таким образом, может выступать индикатором процессов, происходящих в культуре в целом, а мода не только отражает материальные и духовные процессы, происходящие в обществе, находит конкретное выражение во вкусах людей и пристрастиях людей, но и сама формирует их.

Имеющиеся в настоящее время исследования в области моды и советского костюма охватывают отдельные периоды истории советской эпохи. Кроме того, основная часть исследований относится к столичному региону, поэтому не рассмотрена трансформация образцов советской моды в реально бытовавший костюм провинции.

В настоящей статье предлагается рассмотреть приёмы адаптации модных образцов, транслируемых в общество через средства массовой информации, в повседневной жизни жителей крупного регионального центра.

Существуют мировые тенденции в моде, которые трансформируются в каждой отдельно взятой стране в зависимости от её общественной жизни. Сосредоточием моды, как правило, является политическая и культурная столица страны, и лишь затем мода распространяется по другим территориям. Провинциальная мода несёт в себе черты, характерные для данного города, являясь частью культуры повседневности и истории культуры государства в целом. Информация о моде и возможность следовать ей определяют способ достижения желаемого. При этом, как утверждает социолог Л. И. Ятина, «для процесса распространения и смены модных образцов характерно, прежде всего, ценностное отношение людей к вещам и к другим людям» [30, с. 120].

Хронологические рамки исследования – 1950–60-е годы. Это время, когда власть по-иному взглянула на живущих в стране людей. Она теперь не могла в той же мере контролировать каждого отдельного человека, как при тоталитарном режиме. Однако ещё нельзя говорить о том, чтобы общество освободилось от влияния идеологии.

Существует множество подходов к исследованию и пониманию моды. Для анализа модных предпочтений определённого общества наиболее значимы работы Г. Зиммеля, Л. В. Петрова, А. Б. Гофмана и др. Они рассматривают моду как средство социализации, связанное с массовым выбором, массовым поведением и коллективным вкусом. При этом «социальная роль моды состоит в том, что она способствует коллективному приспособлению к подвижному миру, внедряя однообразие как норму, упорядочивая процесс перехода от прошлого к будущему» [27, с. 10].

Как взаимодействуют мода и повседневность?

Со времен Э. Гуссерля повседневность понимается как динамичный «жизненный мир» человека, который конструируется и воссоздается каждой отдельной личностью. Используя некоторые идеи прагматизма и символического интеракционизма, А. Шюц развил программу Э. Гуссерля в социологическую теорию, обособленную описанием повседневного мышления. По его мнению, для того чтобы люди понимали друг друга, а также разбирались в ситуациях и обстоятельствах взаимодействия в повседневной жизни, они должны соблюдать ряд условностей. Главная из них заключается в том, что человек руководствуется предположением, согласно которому его партнеры по взаимодействию видят и понимают мир так же, как он сам. Происходит типизация явлений и объектов, принадлежащих к общей для взаимодействующих индивидов среде. Таким образом, типичность – одна из основных составляющих повседневности.

Мода способствует формированию различных типов. Часто именно она вносит их в нашу жизнь. Одной из причин возникновения такого рода типов может выступать стремление человека к подражанию, которое является одним из важных условий моды [11, с. 93]. Объектом подражания становятся не только сами по себе «модные» вещи, предметы, но и определённый образ действия, манеры взаимоотношений, поведения. Мода входит в жизнь каждого человека, становится одной из составляющих повседневной жизни. Мода удовлетворяет потребность людей в новизне, при этом способствует адаптации общества, групп и индивидов к изменяющимся условиям их существования – как внутренним, так и внешним, – развивает в социальных системах готовность к нововведениям. Она выступает как одна из знаковых систем, посредством которых происходит межличностная и межгрупповая коммуникация.

Рассмотрим, как происходила адаптация модных образов и культурно-эстетических образцов в повседневной жизни советских людей.

В результате перемен в жизни советского общества жители страны стали субъектами потребительской культуры, что не могло не отразиться на их внешнем виде. Одни вещи, являясь проводником господствующих в социуме идеологических догм, помогали создавать образ советского гражданина, который соответствовал идеям власти. Другие – давали возможность им выделиться на фоне окружающего их единообразия. Поэтому представления, бытовавшие в отдельных группах населения о моде и возможности следовать ей, определяли стратегию потребления.

Сопоставление образов одежды, представленных на страницах периодической печати и семейных фотоальбомов, образов советского кино, воспоминаний из мемуарной литературы и материалов, полученных методом «устной истории», поможет нам получить сведения о costume, получившем распространение в бытовой практике советских граждан.

Кончилась война – и женщины, равно как и мужчины, перестали носить костюмы и пальто, напоминающие кители и шинели. Какие бы глубокие физические и душевные раны ни нанесла война, а у людей появилось желание преобразить и дом, и одежду.

В конце войны и после победы в страну хлынул поток «трофейных» вещей и тканей из Германии. Трофеи и трофейная мода были выдающимся явлением послевоенного времени. Взорам советских солдат, входящих в европейские страны, представали совершенно невиданный образ жизни и такие предметы материального быта, которых никто не мог себе даже представить. На родину везли абсолютно всё, в том числе и большое количество западных журналов о моде, кино, открытки с изображениями кинозвезд и т.п. Они познакомили Россию с европейской культурой и модой 1930–1940-х годов. Помимо новых тканей, технологий обработки, цветовых сочетаний, фасонов и орнаментальных мотивов, в советскую моду был привнесён женский и мужской образы, созданные довоенным зарубежным кинематографом.

Трофейное влияние коснулось мужской моды главным образом в области тканей и покроя пиджаков. Одежда в это время выполняла функцию мундира, определяющего положение в обществе её носителя. «Речь шла о качестве сукна – бостон или шевиот, пошивочного материала для обуви – яловая кожа или хром для сапог, а также о разновидностях верхнего пальто: ватник, шинель, пальто, шуба зимой, китель или пиджачная пара летом» [15, с. 86–87].

Большинство советских женщин вплоть до начала 1950-х годов донашивали наряды, пошитые по моделям 1938–1946 годов. Поэтому в моде по-прежнему был силуэт военного времени: подкладные ватные плечики, жакеты мужского покроя и узкие юбки или платье, слегка закрывающие колено. Отсутствие декольте подчеркивало статичность и величие женщины сталинской эпохи и соответствовало всеобъемлющему архитектурному стилю того времени – «сталинскому ампиру».

Иркутянка Лидия Тамм так описывает костюм женщин, бытовавший в советской провинции в послевоенное время: «Женская одежда отличалась большим разнообразием и выдумкой: “Голь на выдумку хитра!”

Чаще стали носить сарафаны с вырезами впереди под горло или узкими треугольными до пояса. Сарафаны шили из старых платьев, у которых прохудились рукава. Под них можно было приспособить старые блузки. <...> Вошли в обиход платья с “фигаро”. Само платье шили без рукавов на лямках, а сверху надевали маленькую кофточку, не доходящую до талии, с коротким рукавом, без застёжки. <...> Если удавалось “выбить” талон на полотно, тогда, в зависимости от материала, шили платье-“татьянки” или платья-халаты. Полотно обычно было однотонным, поэтому такие платья украшали орнаментами, которые вышивали стебельчатым или тамбурным швом, различными цветными мережками, а то и аппликациями из другого материала» [26, с. 29].

Элита общества могла позволить себе шерстяные и шёлковые платья, эффектные ювелирные украшения, элегантные шляпки и меха. Остальной части населения это было недоступно.

Дефицит товаров народного потребления наблюдался даже в 1950-е годы, и для советских людей активно предлагалась идея бережливости в одежде, пропагандировались разнообразные способы переделки, перекройки, надвязывания. «Одно и то же платье может иметь несколько комплектов отделок, которые создают впечатление нескольких разных платьев» [23, с. 30], – советует Е. Поликоская в статье «Как красиво одеваться» в 1954 году. «Достаточно умело подобрать какой-нибудь воротничок, шарфик, пуговки, чтобы ваше платье преобразилось. Это не требует больших затрат. Наденьте сегодня одну отделку, завтра другую, и вы всегда будете одеты по-новому. Комбинируйте свои наряды. Когда вы покупаете себе новую вещь, старайтесь, чтобы она подходила к тем, что у вас есть» [29, с. 28–29], – писали в журнале «Работница» в 1956 году.

Этим принципом пользовались многие женщины. Например, Л. Г. Шорохова (1937 г.р., г. Омск) вспоминает: «У мамы был отрез китайской шерсти, правильного синего цвета, сшили платье, к нему сделали много воротничков, манжет, горжеток. Затем переделали его на короткий блейзер с воротником апаш. Часто из старого делали новое, бесконечно переделывали одно в другое».

Причин для постоянных переделок уже поношенных вещей было несколько, наиболее важными мы считаем войну и бедность, которые приучили людей к экономии и бережливости, привили им навыки модернизации вещей. К тому же советская экономика дефицита и низкое качество товаров подталкивали людей к переделкам, ремонту и передаче одежды «по наследству». Женские журналы давали советы, как выполнить ремонт самостоятельно, и приводили в качестве примера практические советы из жизни зарубежных подруг. О. Б. Вайнштейн отмечает, что искусство чинить и переделывать вещи стало «приметой советской культуры» [5, с. 120].

На рубеже 1950-х годов состоялся визит в СССР Мао Цзэдуна – началась эпоха Великой дружбы СССР и Китая, продлившаяся до конца десятилетия. Крупномасштабная торговля с Китаем позволила одеть население СССР в продукцию китайской лёгкой промышленности. В СССР хлынул поток так называемого «китайского ширпотреба» – вещей, которые поразили воображение советских людей, поскольку были яркими, цветными, качественными, доступными по цене и никогда прежде в СССР не виданными. В быт и гардероб советских людей широко и надолго вошли товары китайского производства. Мужской гардероб пополнился габардиновыми плащами, женский – яркими трикотажными кофточками.

Но, как и прежде, из-за хронического дефицита и бедного ассортимента одежды в магазинах, низкой материальной обеспеченности большей части населения простой советский потребитель 1950–60-х годов покупал одежду по мере износа. Особенно это касалось верхней одежды, которая покупалась или шилась в расчёте на несколько сезонов. Невозможность в полной мере удовлетворить потребности в одежде привела к распространению практики заимствовать вещи у родственников или друзей.

Надо отметить, что, как бы ни было тяжело, советские граждане, хотели и любили одеваться красиво. Это подогревало интерес к моде. Фотодокументы фиксируют изменения в их образе и стиле одежды.

Своеобразным признанием существования моды в социалистическом обществе руководством страны стала постановка вопроса о воспитании хорошего вкуса у будущего «строителя коммунизма». Вопрос о признаках хорошего вкуса возникает на страницах газет и журналов: «“Что же является признаком хорошего вкуса?” Хороший вкус представляет собой сочетание простоты, целесообразности и чувства меры. Ответ художники-модельеры находят в народной мудрости: “что чересчур – то плохо”» [21, с. 30].

В моде выстраивалась сдержанная норма в манере одеваться. Отклонение от предложенных норм осуждалось: «Платье должно быть удобным, простым и вместе с тем изящным. Вычурная одежда свидетельствует о дурном вкусе» [23, с. 29]. Часто в советских фильмах 1950-х годов одежда служит маркером, по которому судят, плохой это или хороший человек, например, в фильме «Урок жизни» (1955 г.) через одежду наглядно показано, как должна одеваться женщина, заслуживающая уважения. Это скромная одежда, костюм или платье сдержанного цвета, простого кроя, не акцентирующее женскую фигуру, без декольте. По-прежнему модный костюм чаще встречался у героинь, чей образ жизни не в полной мере соответствует моральным принципам советского человека. Например, Танечка Огнева из художественного фильма «Разные судьбы» (1956 г.) всегда одета по последней моде, но тщеславна и корыстна, ценит в людях в первую очередь их положение в обществе и материальный достаток. Другой пример, в кинофильме «Сверстницы» (1959 г.) противопоставляется костюм двух бездельников-стиляг и комсомольских активистов, рабочих парней.

Неприемлемым для «советской женщины» был первоначально объявлен и предложенный в 1947 году Кристианом Диором стиль «New Look». Одним из основных «вредоносных» качеств этого стиля была его сексуальность, которая, как известно, всегда признавалась советской идеологией практически преступлением. Лишь с началом оттепели советские модельеры начали осваивать царивший в мире стиль. Для него были характерны мягкие линии, силуэт песочные часы, осиная талия, подчёркнутая поясом, довольно длинные

широкие юбки, рукава кимоно или реглан, лёгкие простые материалы. Плотные ткани уступали место более лёгким – ситец, гипюр, шифон оказались лучшими друзьями девушек из разных социальных слоев. Основной тенденцией стиля была сама женственность. Во второй половине 1950-х годов женская «нюлуковская» линия начала господствовать и в советских моделях. Достаточно вспомнить костюм Людмилы Гурченко в фильме «Карнавальная ночь» или сцену из кинофильма «Девушка без адреса», где на показе мод девушки выходят на подиум в декольтированных тюлевых платьях с широкими юбками и кринолинами. А на испуг молодой манекенщицы относительно излишней открытости платья искусствовед дома моделей убедительно отвечает, что советская женщина может носить и такие платья.

Платья в «клёшённом стиле» требовали наличия нижних юбок. Удивительно быстро отреагировали на это нововведение и советские модельеры. Летом 1957 года журнал «Работница» предложил своим читателям в качестве бесплатного приложения выкройку нижней юбки. Такое бельевое изделие в магазинах СССР купить было невозможно. Женщины сами изготавливали нижние юбки из подручных материалов. Только так можно было успеть за капризной модой в условиях неповоротливой лёгкой промышленности.

Экстремальные варианты стиля «New Look» не нашли широкого распространения в провинциальном городе. Закройщик одного из омских ателье Н. Д. Петрова (1933 г.р., г. Омск) вспоминает: «Нет, у нас не носили кринолины. Юбки собирали в “татьянки”, кроили клинышками или солнце-клёш. Нижние юбки делали из простой хлопчатобумажной ткани, чтобы можно было накрахмалить».

Но всё же этот стиль пришёлся по вкусу властям. В нём чувствовался размах и солидность. Более того, в начале хрущёвских реформ представители советской номенклатуры создали мужской советский «New Look» – набор, по которому за границей безошибочно узнавали советских функционеров: солидные двубортные костюмы с широкими брюками, габардиновые пальто, широкополые шляпы. По словам И. А. Бродского, в западных странах так изображали советских чиновников: «шляпа, пиджак, всё квадратное и двубортное» [9, с. 24].

«Миф о равных возможностях, однородности советского общества породил феномен “единой моды” для всех. <...> Средства массовой информации активно включились в распространение модных образцов, стремясь сделать их по-настоящему всеобщими» [2, с. 97]. Публикуя в популярном женском журнале «Работница» статьи о моде, редакция всегда старалась подчеркнуть разницу между социалистическим и капиталистическим стилем конструирования одежды. Действительно, трудящиеся женщины Советского Союза предъявляли совсем элементарные требования к одежде. Они сводились к простому желанию приобрести или хотя бы пошить что-нибудь приличное без особого напряжения сил.

Поставив задачу полного удовлетворения потребностей советских людей в одежде и обуви, советское руководство рассчитывало на помощь со стороны населения. Формы этой помощи были различными: от мобилизационных методов организации труда в промышленности и задач перевыполнения плана до самоснабжения всем тем, чем государство пока снабдить не могло. В этом смысле пошив одежды на дому был самой дешёвой и официально поощряемой стратегией потребления.

Чтобы получить желаемую одежду, граждане страны обращались в ателье, к портнихе или шили сами (по результатам опроса в г. Омске так поступали 16, 36 и 54% респондентов соответственно). Несмотря на то, что такой ручной, уникальный пошив был несравненно дешевле, существовала целая армия людей, которые этим зарабатывали на жизнь. О. Б. Вайнштейн называет их «культурными героями» [5, с. 114]. При этом портнихой часто являлась работница государственного ателье, которая обшивала своих клиенток на дому, или женщины называли портнихой закройщицу из ателье, чьими услугами пользовались многие годы.

Например, Л. Г. Шорохова (1937 г.р., г. Омск) вспоминает: «Предпочитала шить у портнихи, мама приучила. Мы приехали в Омск после войны, в конце 1940-х годов. В Омске была развита система трудоустройства инвалидов, почти в каждом доме было маленькое ателье, мастерская. Мама нашла портниху, она была сослана, жена одного из авиаконструкторов. Она была закройщицей в ателье. Сначала шили у неё, затем у её ученицы Матрёны Васильевны. Она была инвалидом, работала в разных ателье, и мы вслед за ней переходили из одного ателье в другое». Из этого видно, что женщины с большим уважением и любовью относились к своим портнихам и до сих пор помнят их имена. Заказчики и портнихи часто становились близкими подругами, рекомендовали их своим знакомым, расширяя круг клиентов. Этому же способствовали родственники. Так, Л. Л. Невская (1941 г.р., г. Омск) рассказала о своей семье: «У меня мама работала в ателье закройщицей и мне всё шила. Мама очень хорошо шила и платья, и костюмы, и пальто. Девчонки подружки увидят у меня новое платье, выпросят у мамы, она и им такие же сошьёт». Пошивом одежды внутри семьи занимались достаточно часто, о чём свидетельствуют очевидцы событий. «В основном шили одежду с сестрой, – вспоминает С. А. Орлова (1955 г.р., г. Омск) – Помню Таточка (сестра) сшила мне платье, я тогда школу заканчивала, красное платье с серым поясом и серой горловиной, короткой длины, тогда это было модно».

Непрерывно услугами портних пользовалась женщины «высших слоёв общества»: жёны партийных руководителей и высокопоставленных чиновников, женщины творческих профессий (актрисы, писательницы и др.).

Обращались к портным и мужчины, главным образом те, кого не устраивала одежда из магазина, – например, стилиги, так как брюки-дудочки и клетчатые пиджаки с объёмными плечами советская промышленность не выпускала. Способы получения желаемого были различны, о чём свидетельствуют очевидцы событий: «Я штаны купил на базаре и решил перешить, и отдал их тётке Шуре, она их мне так сузила, что

кто-то мне принёс чулок, и я их надел, но снять не мог». Или ещё: «У меня был друг, которому в Ижевске достали такой пиджак. И мы его всё время носили в ателье, чтобы нам точно такой же сшили» [15, с. 86].

Мужчины и сами занимались производством модной одежды. Например, А. Д. Игманд так описывает свой первый опыт самопошива: «Как-то раз перед соревнованиями мама купила мне семейные трусы. Они были такие длинные и бесформенные, что я решил их переделать <...> немного потренировавшись, я осуществил задуманное. Я также перекроил майку и прострочил её на машинке <...> Ребята увидели меня и стали просить переделать их одежду тоже» [28, с. 27–28].

Шили всё – повседневную и домашнюю одежду, деловые костюмы и пальто, нарядные платья и бельё. Но самым распространённым видом одежды всё же оставалось платье, о чём свидетельствует Н. Д. Петрова (1933 г.р., г. Омск): «Больше всего заказывали платья, были и костюмы, и блузки с юбками, но больше платьев. Шили из ситца, сатина, маркизета, крепдешина, креп-жоржета». На платья выбирали ткани со скромными узорами – мелкий горошек, лёгкие растительные мотивы. Возвращение узоров на тканях началось именно в этот период. Рисунок в горошек был очень популярен. Нередко героини известных советских фильмов были одеты в платья в горошек, в качестве отделки служил белый воротник. Такие же платья предлагали женские журналы, в комментариях к моделям подчёркивалось, что такой воротник «освежает». Женское платье из ткани с набивным рисунком и белым воротником на долгие годы обосновалось в гардеробе каждой советской женщины.

Кто-то шил одежду на заказ регулярно, кто-то только для особо значимых событий в жизни. Каждый сам вырабатывал стратегию получения желаемой одежды.

Те, кто выбирал индивидуальное изготовление одежды, руководствовались разными причинами. Это могло быть низкое или высокое материальное положение. В первом случае одежду шили сами, родственники, знакомые, что позволяло существенно сэкономить. Во втором – изготовлением одежды занимались высококлассные мастера из домов моделей и высококлассных ателье, где могли выполнить эксклюзивные модели. Кого-то просто не устраивала однообразная, невзрачная и немодная одежда в государственных магазинах. Например, Л. Г. Шорохова (1937 г.р., г. Омск) обосновывала свой выбор так: «Не любила готовую одежду, да и в денежном плане было удобнее. Процесс оплаты растягивался: сначала покупала ткань, потом предоплата и только потом вся остальная сумма. Цены в ателье были невысокие. Пошив платья из х/б ткани стоил 5 рублей, из более дорогой ткани – 10 рублей, самое дорогое платье из панбархата – 25 рублей». А Е. Н. Афанасьеву (1961 г.р., Омский район) не устраивал ассортимент – «очень маленький выбор в магазинах. В основном красивые вещи шили в ателье».

К индивидуальному пошиву обращались и по причине невозможности подобрать одежду соответствующего размера. Например, Н. Т. Красиков (1930 г.р., Омский район) сетует, что у него была «нестандартная фигура, и костюмы шил на заказ в ателье». Эту же причину называет В. В. Красикова (1936 г.р., Омский район): «Так как была большая грудь, шила бюстгальтеры на заказ».

Невысокие цены позволяли заказывать одежду в ателье даже школьникам. Например, по воспоминаниям Е. И. Москаленко, он заказывал в ателье костюм для школы, потому что индивидуально сшитый костюм стоил как купленный в магазине, а качество и посадка на фигуре были лучше.

Выбор тканей в этот период был не очень разнообразен, особенно это было характерно для провинции. Красивые модные ткани не залеживались в магазине. Так, по воспоминаниям И. А. Потериной (1940 г.р., г. Тара) и З. И. Демченко (1934 г.р., г. Тара), «трудно было приобретать хорошую и красивую ткань, так как её привозили в магазин в небольшом количестве. Могли ночью стоять в очереди». Это одна из причин, почему прибегали к декорированию самих тканей – чаще всего прибегали к вышивке, ручной или машинной. Женские журналы регулярно предлагали на своих страницах рисунки и инструкции по самостоятельному выполнению вышивки на платьях, блузах и других предметах одежды. Особенно рекламировалась вышивка в народном стиле. По словам Л. Г. Шороховой (1937 г.р., г. Омск), «за отсутствием домов мод в любом ателье умели делать любую вышивку, плиссе, гофре, вышивку бисером». Л. Л. Невская (1941 г.р., г. Омск) упоминает о женщинах, которые вернулись из Китая и выполняли очень тонкие вышивки на сетке, капроне удивительного качества. В. В. Красикова вспоминает другую технику вышивки: «Светлые блузки расшивались вышивкой, называлась она “ришелье”. Обычно расшивали цветами или орнаментом».

Вышивка вошла и в мужскую моду. С приходом к власти Н. С. Хрущева стали популярными мужские рубашки с вышивкой в малороссийском стиле. Другим модным образцом, получившим признание, стала льняная рубашка с коротким рукавом и воротником покроя «апаш» с небольшой вышивкой «крестом» на карманах.

Изменение формы модной одежды во второй половине 1950-х годов потребовало новых тканей. В прессе стали усиленно рекламировать капроновые ткани, особенно преуспевал в этом журнал «Работница». Ещё в 1957 году в статье «Ваше новое платье» рекомендовалось шить из капрона наряды для выпускного вечера, так как эта «ткань – мягкая, прозрачная, немного топорщится, хорошо держит форму платья» [3, с. 24]. А в 1959 году в перечне советов «Как одеться к Новому году» журнал рекомендовал: «Очень украшают женщин платья из капрона. Платья из капрона нежных тонов поэтичны, легки, красивы» [10, с. 31].

Реклама быстро достигла цели, да и прозрачная блузка Татьяна Пелецкой из фильма «Разные судьбы» (1956 г.) убедила женщин в красоте новых тканей. «На полках магазинов стали залеживаться изделия из хлопчатобумажного трикотажа и ткани из натуральных волокон. И, напротив, большим спросом пользовались женские джемпера из орлана и блузы с капроновой отделкой» [19, с. 222]. Мода на капроновые блузки

была распространена и в сибирском регионе. Так, Л. Г. Шорохова (1937 г.р., г. Омск) вспоминает: «Мне на защиту диплома сшили костюм из жакета в форме фрака с широко открытой грудью и фалдами сзади и юбки с запахом. Под жакетом блуза из капрона, у которой вся грудь была расшита вышивкой-ришелье».

Широкий выпуск капроновых блузок породил характерную проблему. Большинство синтетических тканей были прозрачны. Это явно не соответствовало пуританской обстановке советских учреждений. А мода на сарафаны с просвечивающими блузами получила меткое название «мясо в целлофане» [8, с. 147]. В 1960 году журнал «Работница» уже был вынужден настоятельно внушать своим читательницам: «Платья из очень прозрачных тканей, таких, как капрон, на работу носить не принято. <...> Прозрачные блузки из капрона предназначены только для ношения под жакет» [17, с. 31].

По словам Н. Д. Петровой, в Омске такие ткани продавались редко, их можно было купить через знакомых, у спекулянтов или выезжая в Москву, Ленинград или курортные города.

К услугам спекулянтов обращались те, кто не обладал ни умением шить, ни нужными социальными связями, ни возможностью подобрать одежду в магазине. Развитие спекуляции является ярким показателем неудовлетворенного покупательского спроса. У перекупщиков люди искали модные и дефицитные товары: трикотажные джемперы и шарфы, импортные нейлоновые сорочки, костюмы «джерси», качественную кожаную обувь, высококачественные шерстяные и декоративные ткани, различные хозяйственные и культурные товары. Переплата при покупке могла быть в несколько раз выше, но это не останавливало людей в стремлении приобрести модную вещь. Государство вело активную борьбу со спекуляцией, но в условиях плохого регулирования производства и распространения товаров народного потребления это не могло принести существенных результатов. Средствам массовой информации оставалось только задавать вопросы: «Что, это действительно дефицит? <...> Разве нельзя делать так, чтобы излишки товаров по договоренности с Министерством торговли передавались из одного города в другой?» [18].

Рассматривая причины существования слоя перекупщиков, П. В. Романов и Е. Р. Ярская-Смирнова отмечают: «Вопрос о предпосылках бума мелкого предпринимательства в обществе, где на протяжении многих лет любая негосударственная активность в этой сфере подвергалась репрессиям, выводит нас на исторические и культурные контексты социалистической экономики» [24, с. 62]. Экономике Советского Союза был свойственен отрыв поля производителей предметов потребления от поля потребителей. Разрыв выражался в расхождении количества и качества произведенных товаров с нуждами, предпочтениями и вкусами советских людей [12, с. 80].

Модную, качественную, в том числе импортную одежду можно было купить в Москве, но далеко не все имели такую возможность. Хотя практика поездки к родственникам и знакомым была распространена и в Сибири, несмотря на значительную удаленность от столицы. Например, Л. Г. Шорохова (1937 г.р., г. Омск) вспоминает, что она «каждое лето ездила в Москву к родственникам, там покупала бельё, обувь, детскую одежду». Об этом же свидетельствует В. В. Рожков (1960 г.р., г. Омск): «Джинсы, рубашки, кожаные куртки обычно покупали в других городах, например, в Москве». Действительно, концентрация советской модной индустрии в Москве отразила характерную для стран социализма – а для СССР в особенности – пропасть между столицей и провинцией. Москва была «потребительской» столицей, что было обусловлено её привилегированным снабжением товарами народного потребления.

Программа быстрого строительства коммунизма ставила своей целью создание нового человека. В начале 1960-х годов в СССР возродилась борьба с мешанством в быту – один из путей возвращения к ленинским нормам жизни в представлении властей. Эстетика сдержанности и рационализма стала вытеснять кичливую пышность и показную роскошь не только в архитектуре, но и в одежде. Спортивная деловитость пришла на смену помпезной представительности. Партийные и советские органы стали критиковать производителей за однообразие и старомодность фасонов.

В этот период официальная советская пресса, в первую очередь журнал «Работница», советовали «немного укоротить юбки, сшитые в прошлом году», так как «в этом сезоне платья будут носить немного короче» [17, с. 31]. Швейная промышленность перешла на новые стандарты в ширине мужских брюк, и теперь уже любители широких изделий не могли купить в магазинах привычные широкие образцы.

Признаком демократизации представлений власти о «приличии в моде» явилось и признание женских брюк нормальной одеждой для прогулок, занятий спортом, домашнего досуга. Хотя брюки ещё подразумевались только как элемент исключительно рабочей одежды или вариант для отдыха: «брюки рекомендуется носить только в походах, на спортивных площадках или дома, но не на улицах города, в общественных местах и так далее» [Там же]. В 1962 году журнал «Работница» писал: «Среди мам распространено мнение, что брюки можно носить только дочерям. А разве мамы во время отдыха не катаются на велосипеде, не ходят на прогулки в горы, не играют в волейбол?» [22, с. 31]. Это явно означало, что и женщины среднего возраста могут иметь в своём гардеробе брюки.

Но в жизни было по-другому. Рассматривая фотографии 1950–60-х годов из семейных альбомов омичек, можно заметить, что даже в туристических поездках в женском костюме отсутствуют брюки. Это подтверждает и закройщик ателье Н. Д. Петрова (1933 г.р., г. Омск): «Брюки почти не заказывали».

Ношение брюк женщинами в повседневной жизни ещё долго подвергалось осуждению значительной части общества. «Появление женщины в брюках рассматривалось как скандальная выходка и угроза общественной нравственности» [14, с. 113]. Даже в 1970-е годы, когда наиболее прогрессивные и модные женщины с удовольствием носили брючный костюм, им могли преградить вход в общественные учреждения

«борцы за нравственность». Так, по воспоминаниям Ирэн Андреевой, её не пустили в брючном костюме в Министерство среднего машиностроения, сославшись на приказ коменданта. Такой же запрет существовал и в Минлегпроме СССР [1, с. 135–136].

Советский канон моды как минимум до середины 1960-х базировался на двух основных понятиях «просто» и «скромно», которые вместе составляли базу советского канона красоты [6, с. 49]. Простоту в моде настойчиво рекомендовал журнал «Работница»: «Простая, незатейливая одежда бывает более красивой» [20, с. 30]. «Основная характерная черта современной моды – простота и удобство» [13, с. 29]. Наряду со скромностью советская идеология предписывала любителям моды обязательное обладание «чувством меры». По мнению О. Б. Вайнштейн, «скромность поощрялась в рамках идеологии коллективизма – дисциплина предписывала не выделяться из массы» [7, с. 34].

Крайне подозрительной казалась и идея индивидуального вкуса, «поскольку она подрывала установку на коллективизм» [5, с. 104]. Но и в этой ситуации некоторые женщины всегда стремились красиво одеваться, сопротивляясь массовому безликому вкусу.

Модники были и среди мужчин. Если не учитывать крайние проявления – стилияг, мужчины в 1960-е годы начинают одеваться более разнообразно, в их гардеробе появляются модели новых цветов, рисунков и фасонов.

Одновременно необходимо отметить, что среди части женщин существовало пристрастие к «дешёвому шику». Истоки подобного стиля можно обнаружить в русской мещанской одежде и в праздничном костюме фабричных рабочих до революции [7, с. 35]. Поэтому неслучайно подобное чрезмерное украшательство характерно для костюма и омских женщин. Например, во время опроса в г. Омске о наличии в их гардеробе одежды из бархата, панбархата и парчи заявили 14% респондентов, имеющих преимущественно средний и высокий достаток. Это может говорить о том, что женщины хотели, чтобы нарядное платье выглядело не только модно, но и богато, подражая вкусам партийной и культурной элиты.

Элита советского общества стремилась отличаться от массы обычных граждан, которые, в свою очередь, старались любой ценой не отставать от «верхов». Элита могла позволить себе многое, её обслуживали закрытые ателье, специальные магазины, не доступные обычным советским гражданам. «Я дочка цеховская <...> я привыкла быть одетой красиво – по своим вкусам, но по дедовским зампредсовминовским возможностям и маминим “подкидываниям тряпочек из-за бугра”», – вспоминает Екатерина Московская период своей молодости [16, с. 443].

Местная элита стремилась следовать вкусам столичной, но её возможности были ограничены. В общей массе городского населения особой элегантностью отличался костюм интеллигенции. Это были люди преимущественно с высшим или специальным образованием. Они имели ухоженный внешний вид, а их костюм, может, и не был выполнен по последней моде, но он отличался особым изяществом и красотой. Как правило, женщины, составлявшие культурную, научную и промышленную интеллигенцию, прибегали к услугам портних. Их совместное творчество способствовало созданию культурно-эстетических образцов одежды, которые служили примером для подражания для других жительниц города.

Таким образом, в годы «оттепели» мода в СССР вступила в стадию демократизации. Культуролог Л. Б. Брусиловская ассоциирует этот период с господством «Большого стиля», утверждая, что «смерть Сталина знаменовала собой окончательный распад единой стилевой системы и складывание новой культурной парадигмы, характерными чертами которой стали плюрализм, принципиальный эклектизм, космополитизм и упор на индивидуальное творческое самовыражение каждого автора (индивидуальный стиль)» [4, с. 8].

Мода стала одной из составляющих повседневной жизни советских людей. Как элемент в структуре повседневности она предписывала определённый образ мыслей и представления, т.е. выступала как одна из знаковых систем, посредством которых происходила межличностная и межгрупповая коммуникации. Мода обеспечивала приобщение участника модного процесса к социальному и культурному опыту, способствовала процессу социализации.

Модная одежда подчёркивала внешнюю принадлежность какому-либо кругу общества, её выбор формировал различные типы потребителей. Одни – следовали общим тенденциям, транслируемым в общество через средства массовой коммуникации и государственную торговлю, другие – стремились адаптировать модные образцы в соответствии с собственным или групповым вкусом. Став субъектами потребительской культуры, жители страны выработали собственные представления о моде и возможности следовать ей.

Культура моды не была чужда и жителям отдалённых от столицы регионов. Хотя модные образцы до регионов доходили с отставанием от столицы, а выбор товаров был скуден, городское население крупных региональных центров стремилось одеваться в соответствии с модными тенденциями, о чём свидетельствуют фотографии тех лет (Рис. 1). При этом процесс внедрения культурно-эстетических образцов в повседневную жизнь сталкивался с определёнными трудностями. Так как лёгкая промышленность в рассматриваемый период времени не смогла в полной мере выполнить поставленные перед ней задачи по удовлетворению потребности населения страны в красивой и модной одежде, следящие за модой советские потребители искали другие способы реализации своих эстетических требований к костюму. Стремление сибиряков не выглядеть «как провинциал» заставляло искать всё новые и новые фасоны. Части из них удавалось в этом преуспеть. Но большая консервативность провинциального общества не всегда позволяла ему воспринимать модные новшества, делая модников объектами обсуждения и критики.

Рис. 1. Модные образы на страницах журналов и в повседневной жизни

Список литературы

1. Андреева И. Частная жизнь при социализме. Отчёт советского обывателя. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 344 с.
2. Березовая Л. Г. Мода как часть массовой культуры XX века // Коммуникативные проекты в контексте современной теории моды. М.: РГГУ, 2005. С. 97–108.
3. Бланк А. Ваше новое платье // Работница. 1957. № 5. С. 24–25.
4. Брусилловская Л. Б. Культура повседневности в эпоху «оттепели»: метаморфозы стиля. М.: Изд-во УРАО, 2001. 188 с.
5. Вайнштейн О. Б. Моё любимое платье: портниха как культурный герой в Советской России // Теория моды. 2007. № 3. С. 101–126.
6. Вайнштейн О. Б. Полные смотрят вниз. Идеология женской телесности в контексте российской моды // Художественный журнал. 1995. № 7. С. 49–53.
7. Вайнштейн О. Б. Улыбка чеширского кота: взгляд на российскую модницу // Женщина и визуальные знаки / ред. А. Альчук. М.: Идея-Пресс, 2000. С. 30–40.
8. Виниченко И. В. Советская повседневность 50-х – середины 60-х гг. XX века: женский костюм в моделях одежды и бытовой практике. Омск: Омский государственный институт сервиса, 2010. 234 с.
9. Волков С. Диалоги с И. Бродским. М.: Эксмо, 2004. 640 с.
10. Голикова Н. Платье к Новому году // Работница. 1959. № 11.
11. Гофман А. Б. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения. М.: Наука, 1994. 160 с.

12. Гурова О. Продолжительность жизни вещей в советском обществе: заметки по социологии нижнего белья // Неприкосновенный запас. 2004. № 2 (34). С. 78–83.
13. Ефремова Л. К. Умеете ли вы красиво одеваться // Работница. 1960. № 7.
14. Журавлёв С., Гронов Ю. Власть моды и Советская власть: история противостояния // Историк и художник. 2006. № 4 (10). С. 106–116.
15. Кимерлинг А. Платформа против калош, или Стиляги на улицах советского города // Теория моды. 2007. № 3. С. 81–99.
16. Козлова Н. Н. Советские люди. Сцены из истории. М.: Европа, 2005. 544 с.
17. Колчинская Н., Салганова Л. Проследите за собой, пожалуйста // Работница. 1960. № 6.
18. Корягин В. Спекулянты // Советская Сибирь. 1956. 22 декабря.
19. Лебина Н. Б., Чистяков А. Н. Обыватель и реформы: картины повседневной жизни горожан в годы НЭПа и хрущёвского десятилетия. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 342 с.
20. Левашова А. Что предлагает мода // Работница. 1960. № 4.
21. Мерцалова М. Что чересчур, то плохо // Работница. 1964. № 11.
22. Осколкова Т. Собираясь в отпуск // Работница. 1962. № 5.
23. Поликовская Е. Как красиво одеваться // Работница. 1954. № 4. С. 29–30.
24. Романов П., Ярская-Смирнова Е. Фарца: подполье советского общества потребления // Неприкосновенный запас. 2005. № 5. С. 62–68.
25. Семёнова Е. В. Поговорим о современной моде // Работница. 1960. № 9.
26. Тамм Л. И. Записки иркутянки. Иркутск: Отгиск, 2006. Ч. 3. 247 с.
27. Цесевичене О. А. «Свое – чужое» в русской моде XVII–XX веков: философско–культурологический анализ: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Омск, 2011. 23 с.
28. Юшкова А. Александр Игманд: «Я одевал Брежнева...». М.: Новое литературное обозрение, 2008. 128 с.
29. Яковлева Е. Выдумка, терпение, вкус. Как одеваются наши французские подруги // Работница. 1956. № 7. С. 28–29.
30. Ятина Л. Мода глазами социолога: результаты эмпирического исследования [Электронный ресурс] // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 2. С. 120–131. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/223/542/1216/009Yatina.pdf> (дата обращения: 25.09.2012).

FASHIONABLE STANDARDS ADAPTATION IN SOVIET SOCIETY DAILY LIFE

Irina Vladimirovna Vinichenko, Ph. D. in History
Irina Valentinovna Lashina, Ph. D. in Technical Sciences, Professor
Department “Apparel Design”
Omsk State Institute of Service
irvin61@mail.ru; ogiskshi@mail.ru

The authors consider the techniques of fashionable images and cultural-aesthetic standards adaptation in a large regional center population’s daily life, pay special attention to declared fashionable trends transformation into really existed suits, and come to the conclusion that citizens developed their own strategies for implementing aesthetic requirements in everyday practice under the conditions of inability to fully satisfy their needs in fashionable clothes.

Key words and phrases: daily life; soviet fashion; fashionable images; cultural-aesthetic clothes standards; soviet citizens’ tastes and fashionable preferences.

УДК 37/376

Педагогические науки

Статья посвящена проблемам становления профессиональной подготовки кадров для уголовно-исполнительной системы в России в конце XIX – начале XX в. В частности, внимание уделено проблемам формирования системы управленческих структур и разработке их функций, а также подготовке тюремных надзирателей на высших тюремных курсах в Санкт-Петербурге.

Ключевые слова и фразы: уголовно-исполнительная система; имперская тюрьма; пенитенциарная педагогика; профессиональное пенитенциарное образование.

Михаил Валентинович Вольский

Отдел по работе с личным составом
Воронежский институт ФСИН России
mv1973@bk.ru

ОПЫТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИИ В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКА ©

Ряд процессов, происходящих сегодня в Российской Федерации, характеризуется преобразованиями в политической, экономической и социальной сферах жизни общества, направленных на преодоление кризисных явлений, имевших место в жизни России в конце XX века.